

ВОСПОМИНАНИЯ

Мне было 23 года, когда я была назначена фрейлиной двора великой княгини цесаревны, супруги наследника русского престола*. Это было в 1853 году.

Я в то время жила в деревне, в Орловской губернии**. Цесаревна никогда меня не видела и согласилась приблизить к себе лишь по просьбе великой княгини Марии Николаевны, которая была очень расположена к моему отцу. Наша семья находилась в то время в обстоятельствах довольно стеснённых. Сестры мои*** только что вышли из Смольного.

Нас было дома три взрослых барышни, кроме того, мачеха**** имела ещё девочку***** и двух маленьких сыновей*****. Семья наша, таким образом, была

* Мария Александровна (1824–1880) — жена Александра II, с 1855 года — императрица.

** В имении Ф.И. Тютчева Овстуг Брянского уезда Орловской губернии.

*** Дарья Фёдоровна (род. в 1834 г.) и Екатерина Фёдоровна (род. в 1835 г.).

**** Эрнестина Фёдоровна Тютчева, урождённая Пфедфель, в первом браке баронесса Дернаберг.

***** Мария Фёдоровна (род. в 1840 г.).

***** Дмитрий Фёдорович (род. в 1841 г.) и Иван Федорович (род. в 1846 г.) Тютчевы.

большая, состояние же незначительное, и моей мачехе, иностранке по происхождению, с трудом удавалось при наших ограниченных средствах удовлетворять требованиям петербургской жизни в той среде, к которой мы принадлежали по связям моего отца, но отнюдь не по положению, не по состоянию.

Мой отец всю свою молодость провёл в Германии, на дипломатической службе. Он там женился первым браком на моей матери*, вдове господина Петерсона, после которого у нее осталось четыре сына. Отец мой имел от нее трёх дочерей и потерял ее после двенадцати лет брака. Вторично он женился также на вдове, баронессе Дернберг, и вскоре после этого второго брака вернулся в Россию, где и обосновался.

Я получила воспитание отчасти у сестры моей матери**, отчасти в Мюнхенском институте, где провела три года вместе с моими сёстрами, которые были несколькими годами моложе меня.

Когда мне минуло шестнадцать лет, отец выписал нас в Россию. Сестры были помещены в Смольный для продолжения образования, я же возвратилась в родительский дом.

Мой отъезд из Германии навсегда оставил во мне грустное воспоминание. Меня так внезапно, как бы с корнем, вырвали из того мира, в котором протекло всё моё детство, с которым меня связывали все мои привязанности, все впечатления, все привычки, — для того,

* Элеонора Тютчева (урождённая Ботмер, в первом браке Петерсон) — первая жена Ф.И. Тютчева. Умерла 28 августа (9 сентября) 1838 года.

** Клотильда Ботмер — супруга барона Аполлона Петровича фон Мальгиц.

чтобы вернуть меня в семью, совершенно мне чуждую, и на родину, также чуждую мне по языку, по нравам, даже по верованиям; правда, я принадлежала к этой религии, но никто меня ей не обучал.

С каким-то странным сжиманием сердца высади-лась я в одно холодное и туманное сентябрьское утро на Английской набережной в Петербурге и впервые увидела тяжеловесные каменные громады, всегда окутанные туманной мглой и сыростью, и это низкое небо, серое и грязное, лениво нависающее в течение всего почти года над Северной Пальмирой. Впечатление, вынесенное мной тогда, не изменилось и впоследствии; мне не удалось полюбить эту великолепную и мрачную столицу, в которой усилия человека, деньги, промышленность и искусство ведут тщетную борьбу с отвратительным климатом и с болотистой почвой и холодные красоты которой, лишённые прелести и поэзии, являются как бы символом деспотической силы.

Эти первые впечатления не стали отрадней, когда тяжёлая наёмная карета привезла нас в отель «Демут», где жили мои родители и где мы провели всю зиму в неуютной обстановке русской гостиницы того времени. Мы занимали помещение очень безобразное, грязное и вонючее, с окнами на не менее грязный двор, которое, однако, обходилось нам очень дорого. Эта обстановка представляла печальный контраст с просторными и светлыми залами моего института в Германии, окружённого свежей зеленью сада с его липами и кустами роз.

Мои сёстры были вскоре помещены в Смольный, одна пенсионеркой цесаревны, другая пенсионеркой великой княгини Марии Николаевны. Я постоянно их на-

вещала, и эти посещения были моей единственной радостью и единственным развлечением, а вскоре сделались для меня обязанностью и даже целью жизни. Несмотря на свою молодость, я скоро была поражена недостатками того воспитания, которое давалось детям в этом учебном заведении. Образование, получаемое там, было вообще очень слабо, но особенно плохо было поставлено нравственное воспитание. Религиозное воспитание заключалось исключительно в соблюдении чисто внешней обрядности, и довольно длинные службы, на которых ученицы обязаны были присутствовать в воскресные и праздничные дни, представлялись им только утомительными и совершенно пустыми обрядами.

О религии как об основе нравственной жизни и нравственного долга не было и речи. Весь дух, царивший в заведении, развивал в детях прежде всего тщеславие и светскость. Хорошенькие ученицы, те, которые лучше других умели танцевать и грациозно кланяться, умели причёсываться со вкусом и искусно оттенять клюквенным соком бледность лица, всегда могли рассчитывать на расположение со стороны начальницы, госпожи Леонтьевой, а следовательно, и со стороны директрисы и классных дам.

Дети богатых и сановных родителей составляли особую аристократию в классах. Для них почти не существовало правил институтской дисциплины. Они могли безнаказанно пропускать уроки, по утрам долго спать, не обращая внимания на звон колокола, пренебрегать обедом, подаваемым в общей столовой (кстати сказать, отвратительным), и питаться лакомствами из соседней лавочки. Как с нравственной, так и с физической стороны весь режим был отвратительный.

Мои сестры благодаря своим хорошеньким личикам и положению родителей, а главным образом благодаря протекции великих княгинь, пенсионерками которых они состояли, сразу попали в категорию аристократок, то есть детей, обречённых на порчу. Благодаря Мюнхенскому институту они имели достаточно познаний, чтобы легко занять первое место в классе среди своих сверстниц, но я скоро поняла, как плохо их воспитывают, и старалась противодействовать злу, проводя с ними как можно больше времени; не давала им читать плохих романов, которые ученицы добывали себе с большой лёгкостью, поощряла их к серьёзным занятиям и говорила с ними о религии, поскольку сама была в этом сведуща.

В Мюнхенском королевском институте, где я окончила своё образование, я находилась под влиянием католических священников; они старались, поскольку это доступно нашему возрасту, привить нам благочестие, правда несколько узкое и фанатическое, очень ригористическое, очень мелочное и в достаточной степени иезуитское, тем не менее это религиозное воспитание внушило нам душеспасительный страх перед тщеславием, легкомыслием, светскими удовольствиями, спектаклями, нарядами, чтением дурных книг, так что я относилась с ужасом ко всему тому, что превозносилось и ценилось в Смольном; в течение всей своей молодости я никогда не стремилась ни к развлечениям, ни к нарядам, и, несмотря на полную свободу в чтении и на любопытство, которое живо возбуждали во мне нарядные книжки романов, я никогда не находила удовольствия в французской литературе, в то время имевшей большой успех и оказавшей такое развращающее влияние на мысли многих молодых девушек.

Нет сомнения, что суровое воспитание даёт характеру известную выдержку, которой всегда недостаёт людям, получившим слишком мягкое воспитание. Касаясь здесь вопроса о воспитании в женских учебных заведениях России, я совсем не имею в виду входить в подробности, которые завели бы меня слишком далеко, я хочу лишь сказать, что в этом отношении я узнала жизнь нашей родины с одной из ее самых характерных и самых тяжёлых сторон: это поверхностное и легкомысленное воспитание является одним из многих результатов чисто внешней и показной цивилизации, лоск которой русское правительство, начиная с Петра Великого, старается привить нашему обществу, совершенно не заботясь о том, чтобы оно прониклось подлинными и серьёзными элементами культуры. Отсутствие воспитания нравственного и религиозного широко раскрыло двери пропаганде нигилистических доктрин, которые в настоящее время нигде так не распространены, как в казённых учебных заведениях.

Ко времени моего приезда в Россию благодаря полученному мною воспитанию и природным склонностям религиозный интерес был во мне преобладающим. В Мюнхенском институте католические патеры, само собою разумеется, пустили в ход все возможные средства, чтобы привлечь меня к католицизму. Но та несколько искусственная экзальтация, которую они сумели мне внушить, не имела характера глубокого и сознательного убеждения и не могла не рассеяться под влиянием умственного развития. Вначале, не понимая по-русски, я не могла следить за нашей службой, которая мне казалась длинной и утомительной. Но потребность в молитве постоянно приводила меня в церковь,

и я постепенно стала понимать наши молитвы и проникаться красотой православных обрядов. Два или три года спустя одна брошюра в несколько страниц — небольшой религиозный полемический трактат о нашей церкви, очень краткий, но яркий и вдохновенный, — произвела целый переворот в моем нравственном сознании. Это краткое изложение догматов нашей церкви принадлежало перу москвича Алексея Степановича Хомякова.

За первой брошюрой последовали еще две, также религиозно-полемического характера, дополнявшие первую. Эти брошюры, запрещенные в России и напечатанные за границей, первое издание которых было немедленно уничтожено иезуитами, были написаны на французском языке, затем переведены на английский и немецкий и, наконец, уже на русский. Этим немногим вдохновенным страницам, еще теперь слишком малоизвестным, предстоит огромное будущее; они явятся тем невидимым звеном, благодаря которому западная религиозная мысль, измученная отрицанием и сомнением, сольется с великой идеей церкви — церкви истинной православной, церкви идеальной, основанной Христом, а не церкви, понимаемой как организация государственная или общественная. Я никогда не забуду, какой лучезарной радостью исполнилось мое сердце при чтении этих страниц, которые с тех пор я так часто перечитывала и которые всегда производили на меня то же впечатление глубокой содержательности.

Хомяков, однако, не был богословом по специальности; это был просто человек умный, писатель, поэт, учёный и прежде всего душа, глубоко проникнутая бо-

госознанием. Он жил в Москве и стоял во главе той небольшой группы умных людей, которых наше глупое общество иронически прозвало славянофилами, ввиду их националистических тенденций, но которые по существу были первыми мыслящими людьми, дерзнувшими поднять свой протестующий голос во имя самобытности России, и первые поняли, что Россия не есть лишь бесформенная и инертная масса, пригодная исключительно к тому, чтобы быть вылитой в любую форму европейской цивилизации и покрытой, по желанию, лоском английским, немецким или французским; они верили и они доказали, что Россия есть живой организм, что она таит в глубине своего существа свой собственный нравственный закон, свой собственный умственный и духовный уклад, и что основная задача русского духа состоит в том, чтобы выявить эту идею, этот идеал русской жизни, придавленный и непонятый всеми нашими реформаторами и реорганизаторами на западный образец.

В своих воспоминаниях я часто буду возвращаться к этой группе лиц; большинству из них благодаря преждевременной смерти и вследствие неблагоприятных обстоятельств не удалось выполнить той интеллектуальной работы, к которой они, казалось, были призваны, но они бросили семена плодотворной и оригинальной мысли, и в своё время эти семена принесут свои плоды.

Таким образом, моя душа и моё сердце сроднились с Россией благодаря брошюрам Хомякова. Я окончательно привязалась к своей новой родине после летнего пребывания в деревне отца в Орловской губернии. Вскоре я страстно полюбила русскую природу. Широ-

кие горизонты, обширные степи, необозримые поля, почти девственные леса нашего Брянского уезда создавали самую поэтическую обстановку для моих юных мечтаний. Поэтому, когда отец написал мачехе о моем назначении в фрейлины к цесаревне и о том, что он приедет за мной в деревню, чтобы возить меня ко двору, я ни одной минуты не испытала чувства радости перед новой и сравнительно блестящей карьерой, открывавшейся передо мной.

Был конец декабря, и я помню, какие горькие слезы я проливали перед окном своей маленькой комнаты, откуда взору открывалось необозримое пространство, окутанное снежной пеленой. Я надеялась, что ко двору будет назначена одна из моих сестёр.

Дарии, старшей, было семнадцать лет, Китти, младшей, — шестнадцать, они обе были очень милосивы, на виду в Смольном и жаждали попасть ко двору и в свет, между тем как мне и то и другое внушало инстинктивный ужас. Но выбор цесаревны остановился именно на мне, потому что ей сказали, что мне двадцать три года, что я некрасива и что я воспитывалась за границей.

Великая княгиня больше не хотела иметь около себя молодых девушек, получивших воспитание в петербургских учебных заведениях, так как благодаря одной из таких неудачных воспитанниц она только что пережила испытание, причинившее ей большое горе.

Брат цесаревны, принц Александр Гессенский, старше ее всего на один год и неразлучный товарищ ее детства, сопровождал свою сестру в Россию, когда она вышла замуж за цесаревича, чрезвычайно любившего своего шурина. Действительно, принц был очень привлекателен; обладал прелестной наружностью